

УДК 94(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-45-50

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ КИЕВА И ПОЛОЦКА ЗА МОЩИ СВ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ
В 1832 – 1909 гг.: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ¹****В.И. КОРОНЕВСКИЙ***(Санкт-Петербургский государственный университет)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5910-6799>e-mail: iliich2000@mail.ru

В статье предпринимается попытка анализа истории противостояния Полоцкой епархии и Киевской митрополии за мощи св. Евфросинии Полоцкой в 1832 – 1909 гг. Автор стремится найти ответ на два основных вопроса. Во-первых, почему все ходатайства полочан о перенесении останков преподобной в Спасо-Евфросиниевский монастырь вплоть до 1909 г. заканчивались безрезультатно? Во-вторых, что в итоге способствовало успеху инициативы и сделало возможным перенесение реликвии в Полоцк в 1910 г.? Анализируется имеющаяся историография вопроса. Обсуждается гипотеза, согласно которой главным фактором, мешавшим осуществлению желания полочан, была позиция высшего киевского духовенства: Киевских митрополитов и Духовного собора Киево-Печерской лавры. Успеху последнего ходатайства способствовало резкое обострение ситуации в Полоцке и в самой империи в целом после 1905 г., что побудило государство вмешаться в спор и решить вопрос в пользу Полоцка.

Ключевые слова: *Евфросиния Полоцкая, Спасо-Евфросиниевский монастырь, мощи, православие, Полоцкая епархия, Киевская митрополия.*

Введение. Культ Евфросинии Полоцкой на протяжении большей части своей истории имел одну интересную особенность. Более семи веков он развивался в условиях отсутствия в Спасо-Евфросиниевском монастыре, основном центре почитания преподобной княжны, главной реликвии, вокруг которой обыкновенно выстраивается культ святого – мощей. Останки Евфросинии, скончавшейся в Иерусалиме в 1173 г., после захвата города Саладином в 1187 г. были перенесены на Русь, однако добраться до Полоцка на тот момент им было не суждено – реликвия оказалась в Киеве. В условиях отсутствия мощей на родине княжны главным символом её почитания оставался созданный по её заказу крест. Сохранившиеся до нашего времени источники не содержат никаких свидетельств о попытках полочан добиться перенесения хранившейся в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры реликвии. Ни в конце XII – первой половине XVI вв., когда Евфросиния Полоцкая имела сугубо локальное значение [1, с. 182, 184], ни в период всплеска внимания к её фигуре во времена пребывания Полоцка под контролем войск Ивана Грозного, ни, тем более, в конце XVI – XVIII вв., в период экспансии католицизма на восточных землях Речи Посполитой, православные жители Полоцка не обращались к Киеву с ходатайствами о возвращении своей святыни.

Ситуация коренным образом изменилась в 1830-е гг. В условиях подготовки частью местного греко-католического духовенства воссоединения униатов белорусско-литовских губерний с Православной церковью образ Евфросинии Полоцкой оказался востребован в качестве символа исконности православия в регионе. Благодаря активной деятельности Полоцкого архиепископа Василия (Лужинского) монастырь, принадлежавший во времена Речи Посполитой иезуитам, был восстановлен и возвращен православным², в находящуюся на его территории Спасо-Преображенскую церковь из Софийского собора был перенесен крест святой княжны³, начали издаваться и распространяться первые брошюры, направленные на популяризацию фигуры Евфросинии [2]. Еще большему укреплению позиций культа преподобной должно было способствовать перенесение в Полоцк ее мощей.

Начиная с 1832 г., когда этот вопрос был впервые поднят, история развития культа Евфросинии Полоцкой оказывается тесно переплетена с историей попыток полочан получить желанную реликвию. Частично их старания увенчались успехом зимой 1870 – 1871 гг., когда в Спасо-Евфросиниевский монастырь была перенесена частица мощей святой (средний перст правой руки), но окончательное решение о возвращении реликвии в Полоцк целиком было принято лишь в 1909 г. и реализовано весной 1910 г. Таким образом, почти восемь десятилетий все усилия полочан оставались тщетными, что ставит перед исследователем ряд вопросов. Во-первых, почему в течение рассматриваемого периода все ходатайства о перенесении реликвии заканчивались ничем? Кто и по каким причинам препятствовал их удовлетворению? Во-вторых, почему усилия сторонников пребывания останков святой в Спасо-Евфросиниевском монастыре увенчались частичным успехом именно в 1870 – 1871 гг. и окончательным – в 1909 г.? Какие изменения произошли в общем контексте разворачивавшегося противостояния, склонив чашу весов на сторону Полоцка? Для ответа на эти вопросы нам необходимо остановиться на основных эпизодах истории борьбы Полоцка с Киевской митрополией за мощи преподобной княжны.

Основная часть. Впервые проблема необходимости перенесения реликвии в Полоцк была поставлена в 1832 г. Могилевским архиепископом Гавриилом (Гордоковым), посетившим Полоцк и заставшим первые ме-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «RSF-DFG: Святыне и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

² Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 7764. Л. 5.

³ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9496. Л. 1.

роприятия, предпринятые местным духовенством для укрепления позиций культа св. Евфросинии. Соответствующая мысль была высказана им в письме Московскому митрополиту Филарету (Дроздову), который отнесся к этой идее с осторожностью. Митрополит полагал, что с решением проблемы перенесения мощей торопиться не следует, поскольку должный эффект потенциальная церемония будет иметь только если «при сем Богу угодно будет явить руку свою», в противном случае «враги найдут, что сказать против сего» [3, с. 238]. Таким образом, не имея ничего против самой идеи возвращения реликвии в Полоцк, Филарет считал инициативу несвоевременной, опасаясь, что возможное отсутствие чудес и знаков Божией воли вокруг мероприятия может послужить поводом для «врагов» (имеются в виду католики) нивелировать всякий положительный эффект.

Первое официальное ходатайство перед Синодом имело место по инициативе воссоединенного Полоцкого архиепископа Василия (Лужинского) в 1840 г., то есть на следующий год после присоединения униатов к православной церкви, одним из символов которого была Евфросиния Полоцкая [4, с. 176–178]. Момент был выбран удачно, и в случае успеха перенесение реликвии увенчало бы усилия, предпринятые православным духовенством в 1830-е гг. для реставрации культа святой, однако инициатива была оставлена без ответа. В 1844 г. архиепископ отправляет аналогичный запрос на имя обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, а в 1852 г. напоминает ему о проблеме в частном письме и аргументирует необходимость перенесения катастрофической нехваткой в Полоцке почитаемых в народе православных реликвий, в связи с чем «ища душою своей святыни, местные жители, а особенно простые люди, православного исповедания, в обиду Православной Церкви и к прискорбию для своего пастыря, идут иногда в Полоцкий Доминиканский монастырь и преклоняют колена пред мощами Андрея Боболя, еще не признанного святым самою Римско-католическою церковью»⁴. Таким образом, впервые в качестве основной причины необходимости добиться возвращения мощей св. Евфросинии прямо называется необходимость конкурировать с притягивающими православных католическими святынями. Неудивительно, что этот аргумент впервые фигурирует в письме, датированном именно 1852 г., поскольку в это время в Риме готовилась состоявшаяся в 1853 г. официальная беатификация Андрея Боболя. О подготовке беатификации архиепископ Василий прекрасно знал и выражал по этому поводу серьезные опасения, справедливо полагая, что официально причисленный к лику блаженных Боболя будет еще сильнее привлекать к себе представителей обеих конфессий и облегчит задачу католическим проповедникам⁵. Тем не менее, с подачи Киевского митрополита Филарета (Амфиотрова), отрицательно отреагировавшего на инициативу Василия, Синод ответил на нее отказом [5, с. 517].

В 1858 г. вслед за своим архиепископом дополнительное ходатайство возбудили жители Полоцка. Его составители, по всей видимости, были осведомлены о переписке архиепископа Гавриила и Московского митрополита Филарета и о сомнениях последнего в явлении в ходе церемонии знаков Божественной воли, поэтому попытались подкрепить свои аргументы ссылками на признаки соответствия потенциального перенесения реликвии высшему замыслу. Таковыми стали наличие «внутри храма сей обители места, как бы по провидению Божию, назначенного для хранения драгоценных мощей основательницы монастыря Св. Спаса», слова ангела, который, согласно житию, повелел Евфросинии пребывать на месте будущего Спасо-Евфросиниевского монастыря, а также адресованные ее брату Вячеславу слова, сказанные княжной перед отбытием в Иерусалим, «что она Полоцка не оставит, а только будет молиться за себя и за полочан»⁶. Таким образом, прагматичные доводы Василия были подкреплены еще и сугубо религиозными аргументами.

Но, несмотря на это, ответ Синода, пришедший, наконец, в 1860 г., был неутешительным. Фактически он представлял собой пересказ заключения, представленного по этому вопросу Духовным собором Киево-Печерской лавры через Киевского митрополита Исидора (Никольского). Главным контраргументом была апелляция к Божией воле, которой, по мнению киевлян, в полной мере отвечал факт пребывания мощей в лавре на протяжении семи столетий. Другими серьезными доводами была незначительность Полоцка, который, с точки зрения Киевской митрополии, никак не мог конкурировать с Киевом, и численное преобладание в Полоцке иноверцев, в связи с чем последний не подходил для хранения столь ценной реликвии⁷.

Незвизывая на постигшую полочан неудачу, архиепископ Василий и его преемник, епископ Савва (Тихомиров), продолжали активно готовить почву для будущих ходатайств. В течение 1860-х гг. идея перенесения реликвии в Полоцк обзавелась влиятельными сторонниками как среди духовенства, так и среди светских властей. В 1864 г. ее поддержал Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, «признавая таковое перенесение мощей Преподобной Евфросинии весьма полезным в видах возвышения в населении страны религиозного духа и приверженности к Православной Церкви»⁸. В 1868 г. в качестве противовеса популярности Боболя возвращение мощей считал полезным Витебский губернатор П.П. Косаговский [6, с. 259]. А за год до этого, в 1867 г. в поддержку перенесения мощей выступили новый Виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов и Литовский митрополит Иосиф (Семашко) [7, с. 706]. Тогда же по просьбе епископа Саввы, своего бывшего викария, инициативу открыто поддерживает Московский митрополит Филарет. Он пишет два одинаковых письма на имя Киевского митрополита Арсения (Москвина) и занимавшего этот пост ранее Исидора (Никольского), на тот момент Санкт-Петербургского митрополита. Филарет, авторитет которого сам по себе являлся весомым аргументом, утверждал, что

⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). – Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 2.

⁵ ОР РГБ. – Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 16 – 19 об.

⁶ ОР РГБ. – Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 1 – 1 об.

⁷ Там же. – Л. 2 об. – 5.

⁸ Там же. – Л. 7 – 7 об.

в отдельных случаях перенесение мощей возможно и без «особенных указаний от Провидения Божия». В качестве соответствующего прецедента он упоминал о перенесении мощей митрополита Филиппа в 1652 г. из Соловецкого монастыря в Успенский собор. Повторен им был и уже ставший традиционным аргумент о скудости в Полоцкой епархии «древней, особенно чтимой православной святыни; между тем как Римско-католические церкви представляют, верным или неверным преданием сохраненную, святыню, которая привлекает внимание не только Римско-католического, но частью и православного народа»⁹. Тем не менее, хотя остальные члены Синода, включая обер-прокурора, благожелательно отнеслись к идее перенесения мощей, именно Исидор и Арсений выступили против, и инициатива Полоцка снова осталась безрезультатной. Интересно, что одной из главных причин отказа, названных митрополитом Исидором, было опасение того, что передача мощей Полоцку станет прецедентом, дающим основания ряду других городов требовать от Киево-Печерской лавры, в пещерах которой хранилось немало реликвий, связанных с Киевом лишь косвенно, аналогичных уступок, что приведет к падению значимости этого центра русского православия [8, с. 278].

Однако епископ Савва не отчаивался. Он предложил Киевскому митрополиту Арсению компромисс: перенесение в Полоцк небольшой частицы мощей Евфросинии. Свою просьбу он подкрепил не только тезисом о необходимости обрести противовес останкам Боболи и другим католическим реликвиям, но и апелляцией к успешному примеру организации православного торжества, укрепляющего позиции православия среди местного населения: состоявшейся в 1866 г. церемонии перенесения частицы мощей св. Иосифа Обручника в Могилев¹⁰. К этой просьбе Саввы митрополит Арсений отнесся благосклонно, и зимой 1870 – 1871 гг. средний перст правой руки Евфросинии действительно был перенесен сначала в Витебск, а потом и в Полоцк.

Одержав тактическую победу, Савва не собирался останавливаться на достигнутом, и, несмотря на предыдущие договоренности, в 1872 г. снова возбудил ходатайство о перенесении реликвии в Полоцк целиком. К его инициативе благожелательно отнеслись новый Московский митрополит Иннокентий (Вениаминов) и министр народного просвещения, обер-прокурор Синода Д.А. Толстой. Последний впервые обратился по этому поводу к императору, и Александр II, на словах одобвив идею, повелел Синоду запросить письменное изложение позиции епископа Саввы и митрополита Арсения, обсудить их и представить на свое рассмотрение доклад о степени целесообразности перемещения реликвии из Киева в Полоцк [8, с. 282]. В своем донесении Синоду Полоцкий епископ писал, что возвращение останков святой в её родной город «благовременно и благопотребно для православного населения Белорусского Края, и в особенности для жителей города Полоцка, к ограждению их от вредного опасного для чистоты Православия влияния латинских святынь и к утверждению их в преданности Св. Православной Церкви», акцентируя внимание на том, что необходимость противостоять натиску католицизма стала еще более отчетливой «после событий 1861 – 1863 гг.»¹¹. Киевский митрополит, в свою очередь, писал о неотчуждаемости мощей Евфросинии от лавры, а претензии полочан с раздражением отвергал, утверждая, что перенесение реликвии не будет способствовать преодолению католической угрозы, и в свете недавнего восстания Полоцк, в отличие от Киева, не является безопасным местом для пребывания в нем реликвии¹². Столкнувшись со столь жесткой позицией Киевской митрополии, Д.А. Толстой предпочел наложить на уже подготовленный по императорскому повелению доклад резолюцию «отложить» [5, с. 535–536].

Вопрос был снова поднят в 1882 г. по инициативе Полоцкого православного братства имени св. Николая и св. Евфросинии, однако ввиду отсутствия каких-либо новых весомых аргументов в пользу возвращения мощей в Полоцк новый Киевский митрополит Платон (Городецкий) без особенных проблем отклонил запрос [5, с. 537].

Последнее крупное ходатайство, имевшее место в XIX в., датируется 1892 г., когда новый Полоцкий епископ Антонин (Державин), бывший викарий Саввы (Тихомирова), заручившись поддержкой полоцкого и витебского братств, в очередной раз обратился в Синод со старой просьбой. О выдвинутых Антонином аргументах, к сожалению, сложно что-либо сказать, поскольку сам текст ходатайства не сохранился. Так или иначе, указом от 1903 г. оно было окончательно отклонено Синодом [9, с. 310].

Вплоть до 1908 г. этот вопрос больше не поднимался, однако на состоявшемся в этом году IV миссионерском съезде возвращение мощей Евфросинии в Полоцк было признано одним из эффективных способов противодействия католической пропаганде в Северо-Западных губерниях, после событий 1905 г. являвшейся для империи особенно чувствительной проблемой. Воспользовавшись ситуацией, новое ходатайство в 1909 г. возбудил Полоцкий епископ Серафим (Мещеряков). На этот раз, стремясь продемонстрировать востребованность мощей Евфросинии в Полоцке, он приложил к ходатайству огромное количество прошений от Полоцкой городской думы, местных православных братств, сестер монастыря, витебского отдела Союза русского народа и множества простых прихожан¹³. Киевский митрополит Флавиан (Городецкий) и Духовный собор Киево-Печерской лавры снова ответили отказом¹⁴. В отзыве последнего использовались старые аргументы: соответствие факта пребывания реликвии в Киеве Божественному Промыслу и нежелательность перенесения мощей святых угодников в условиях отсутствия знамений свыше. Основной довод полочан о необходимости противостоять католическому влиянию киевляне пытались парировать, утверждая, что на население, подверженное католической пропаганде, святыня не произведет должного

⁹ ОР РГБ. – Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 21 – 21об.

¹⁰ Там же. – Л. 9 – 10об.

¹¹ Там же. – Л. 24 – 25об.

¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 796. Оп. 205. Д. 345. Л. 28-33.

¹³ РГИА. – Ф. 796. Оп. 190. Отд. VI. Ст. 3. Д. 218. Л. 2 – 2 об., 5 – 8, 16 – 18 об., 25-26 об., 37-379.

¹⁴ РГИА. – Ф. 796. Оп. 445. Д. 341. Л. 1

воздействия, и «посему можно даже опасаться, как бы предполагаемое перенесение мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк не вызвало еще больших огорчений и смущений для православия со стороны крайне неразборчивых в борьбе и полемике католических пропагандистов» [5, с. 544]. Однако на этот раз аргументы сторонников неизменности места пребывания мощей не впечатлили Синод, а наложенная на соответствующий доклад обер-прокурора сочувственная резолюция императора окончательно склонила чашу весов на сторону Полоцка: в 1910 г. долгожданное перенесение останков Евфросинии Полоцкой свершилось.

Публицисты того времени, пытавшиеся отразить историю неудачных попыток полочан добиться возвращения своей святыни, не могли не задаваться вопросом о причинах отклонения всех предыдущих ходатайств. Однако, чтобы не омрачать торжество и не провоцировать обмен упреками между Киевом и Полоцком, они, как правило, вообще обходили молчанием этот неприятный вопрос и приписывали все непостижимой Божественной воле [10, с. 1]. Итоговый успех, в свою очередь, объяснял всё тем же Провидением, милостью императора и горячим желанием православных полочан иметь в своем городе родную святыню [11, с. 1226]. Последующие исследователи, писавшие свои работы в эмиграции или в современной Республике Беларусь, не были скованы подобными ограничениями и могли выдвигать более категоричные гипотезы.

Так, определенную популярность получило мнение, согласно которому перенесению реликвии в Полоцк упорно препятствовали российские власти. Первым подобную точку зрения, по всей видимости, озвучил историк Л. Гарошка. Повествуя о ходатайствах, последовавших вскоре за восстановлением Спасо-Евфросиниевского монастыря, он пишет: «Калі потым распачаліся такія старанні, расейскія ўлады катэгарычна гэтаму супрацівіліся» [12, с. 55]. Итоговый успех исследователь объясняет настойчивостью полочан, которая привела к тому, что «Свяцейшы Сінод у канцы не меў іншага выхаду, як прадставіць цару ўсе гэтыя просьбы, і гэтым разам цар згадзіўся даць дазвол на перанос», хотя «супраць пераносу ўсіх мошчаў св. Еўфрасінні яшчэ ў 1909 г. падымаліся шматлікія ўрадавыя расейскія галасы». Л. Гарошка склонен видеть в действиях российских властей не только сознательное стремление не допустить возвращения реликвии в Полоцк, но даже нечто наподобие страха перед фигурой княжны: «Уласціва, няма чаго дзівіцца такой асцярожнасці расейскіх уладаў адносна асобы св. Еўфрасінні. Яны ж докладна разумелі, што маюць дачыненне з “нябеснаю апякункаю Беларусі”, як гэта часам зазначалася ў тагачаснай расейскай прэсе ...» [12, с. 55–56].

Наиболее слабым местом построений Л. Гарошки является его аргументация, которая сводится к небольшой цитате из статьи Ф.И. Титова в «Трудах Киевской Духовной Академии»: «“Каталікі, як ведама з гісторыі, схільны прызнаць прэп. Еўфрасінню святою свае царквы. Таму можна нават баяцца, каб планаваным пераносам мошчаў прэп. Еўфрасінні з Кіева ў Полацк не спрычынена было вялікіх непрямнасцей і шкодаў для праваславя” (Титов. «Труды Киевской Дух. Акад.» т. IV, 1910 г., с. 544)» [12, с. 55]. Приведенный отрывок действительно является частью названной статьи, однако процитированные Л. Гарошкой предложения вырваны из контекста: они представляют собой фрагмент из упомянутого выше отзыва Духовного собора Киево-Печерской лавры на ходатайство 1909 г.: [12, с. 540–544]. Речь идет всего лишь о мнении пытающихся отыскать аргументы против перенесения реликвии в Полоцк киевских монахов, которое Л. Гарошка выдает за «шматлікія ўрадавыя расейскія галасы».

Сам тезис о сопротивлении российских властей, будто бы опасавшихся передачи полочанам останков небесной покровительницы Беларуси, в свете общей истории ходатайств видится весьма странным. В самом деле, как было показано выше, в рядах сторонников перенесения мощей находилось множество представителей духовной и светской власти: начиная с генерал-губернатора М.Н. Муравьева и митрополита Иосифа (Семашко) и заканчивая самим Александром II.

Из рассуждений Л. Гарошки неясны также причины итогового успеха полочан. Получается, белорусы без малого восемь десятилетий усердно старались добиться перенесения мощей своей святой, а империя этому упорно противилась, однако в 1909 г. просьбы стали настолько настойчивыми, что Синод «не меў іншага выхаду» и вынужден был согласиться. Чем же, в таком случае, принципиально отличалась инициатива 1909 г. от всех предыдущих и, в частности, от ходатайства 1892 г., под которым также подписались многие представители местного духовенства и интеллигенции – члены православных братств? Разве что количеством подписей рядовых прихожан, однако едва ли этот фактор мог стать решающим, если бы российские власти действительно опасались популяризации фигуры преподобной, как утверждает Л. Гарошка.

Аналогичные идеи были высказаны и в вышедшей недавно книге С.В. Тарасова «Еўфрасіння-Офрасіння-Афрасіння Полацкая. Яе час, яе крыж». В главе, посвященной возвращению мощей святой в Полоцк, исследователь пишет: «Першым пытанне пра перанясенне мошчаў узяў у 1832 г. архіепіскап Магілёўскі Гаўрыіл. Аднак вышэйшыя ўлады, у першую чаргу царкоўныя, не падтрымалі ідэю. Між іншым, за ўсю гісторыю “барацьбы” за мошчы менавіта царкоўная ўлада ў асобе сінода, патрыярха і, канешне, кіўлянаў, найбольш упарта супраціўляліся пераносу» [13, с. 267]. К сожалению, в дальнейшем повествовании историк не приводит никаких примеров сопротивления перенесению мощей со стороны высших властей, светских или церковных, если, конечно, не относить к числу таковых факты противодействия передаче реликвии Полоцку со стороны Киевских митрополитов. Втору этой статьи подобные примеры также неизвестны. В связи с этим, остается лишь констатировать, что никаких доказательств сопротивления российских властей перенесению мощей Евфросинии Полоцкой в распоряжении исследователей на данный момент нет.

Предоставляемая источниками информация дает основания полагать, что причины неудач полочан заключались в другом. В тех ситуациях, когда инициатива о перенесении мощей перерастала рамки обычного обмена мнениями в частной переписке и обретала форму официального ходатайства, неизменно имела место одна и та

же последовательность событий: Синод запрашивает мнение Киевской митрополии и, получив ответ, сообщает Полоцкому епископу неутешительный вердикт. Роль членов Синода оказывается предельно пассивной: вопрос фактически выносится на рассмотрение Киевских митрополитов. Вне зависимости от того, кто в конкретный исторический момент находился на митрополичьей кафедре, исход всегда был одним и тем же: Филарет (Амфи-театров), Исидор (Никольский), Арсений (Москвин), Платон (Городецкий) и Флавиан (Городецкий) последовательно давали Полоцким епископам безапелляционный отказ. С чем же была связана такая категоричность? На данный момент нет никаких свидетельств наличия в XIX – начале XX вв. в Киеве развитой традиции почитания св. Евфросинии, а ее память в лавре праздновалась в один день с памятью еще 43 угодников, останки которых пребывали в Дальних пещерах [14, с. 205–206], в связи с чем едва ли есть основания говорить о большой значимости самой преподобной для Киевской митрополии.

Вероятно, разгадка кроется в том, что вовсе не митрополиты были главными противниками передачи мощей Полоцку. Известные источники позволяют утверждать, что, по меньшей мере, значительная часть отказов киевлян была вызвана жесткой позицией Духовного собора Киево-Печерской лавры, к мнению которого прислушивался митрополит, влиявший, в свою очередь, на итоговую позицию Синода. Позиция же Духовного собора лавры достаточно ярко раскрывается в аргументах, которыми подкрепляли свою позицию киевляне. В отличие от Полоцких епископов, которые делали акцент на доводах прагматического характера (противостояние католическому прозелитизму, укрепление позиций православия в регионе), они, в первую очередь, апеллировали непосредственно к религиозной составляющей, а именно к соответствию факта пребывания мощей преподобной в Киеве Божественному замыслу и неуместности изменения по человеческому хотению порядка, установленного Божиим соизволением. По всей видимости, для членов Духовного собора Киево-Печерской лавры, которые, в отличие от Полоцких епископов, не находились на передовой межконфессионального противостояния, подобная позиция была абсолютно нормальной. Добавим к этому и тот факт, что перенесение мощей святых угодников, да еще и находящихся в месте своего пребывания в течение многих веков, вовсе не было распространенной практикой в Российской империи XIX в., в связи с чем нежелание консервативного киевского духовенства рушить устоявшийся порядок вещей ради решения проблем далекого Полоцка следует признать вполне естественным и не нуждающимся в какой-либо дополнительной политической подоплеке. В чуть более резкой форме похожую мысль выразил в одном из своих писем и Полоцкий епископ Серафим (Мещеряков), охарактеризовавший позицию своих оппонентов как «скопидомство киевских соборных старцев»¹⁵.

Чем же, в таком случае, может объясняться итоговый успех полочан в 1870–1871 и 1909 гг.? Интересную гипотезу высказал современный швейцарский историк Ш. Родевальд, по мнению которого церемония 1910 г. была затеяна империей с целью символического «отвоевания» для православия сакрального пространства города у евреев, которые составляли большинство населения Полоцка и во время событий 1905 г. принимали активное участие в беспорядках. Практически полное отсутствие упоминаний еврейского фактора в сопутствующей перенесению мощей пропаганде исследователь объясняет весьма остроумно: евреи, по его мнению, «настолько свядома і дэманстратыўна выводзяцца за дужкі, што яны, наадварот, дамінуюць в гэтым кантэксце аргументацыі – менавіта таму, што не згадваюцца» [15, с. 510, 515]. Хотя полностью принять выводы Ш. Родевальда нет никакой возможности, поскольку историк, стремясь выставить главным оппонентом организаторов Полоцких торжеств местных евреев, игнорирует исторический контекст борьбы полочан за свою реликвию и сильно принижает роль католического фактора, тем не менее, в его построениях есть рациональное зерно. Действительно, одной из главных целей перенесения мощей преподобной Евфросинии можно считать символическое отвоевание сакрального пространства – правда, не столько у евреев, сколько у католиков, которые, хотя и были в городе меньшинством, доставляли православным намного больше проблем.

Обратившись к общему контексту событий 1870–1871 и 1909 гг., можно увидеть, что между ними есть немало сходство. В обоих случаях перенесение реликвии в Полоцк было осуществлено спустя непродолжительное время после серьезных потрясений, резко обостривших этноконфессиональную ситуацию в западной части империи. В первом случае речь идет о восстании 1863–1864 гг., во втором – о социальных потрясениях 1905–1907 гг. и последовавшим вслед за изданием указа «Об укреплении начал веротерпимости» в апреле 1905 г. ростом активности католических проповедников, а также участвовавшими конфликтами на конфессиональной почве [16, с. 81–88]. В этих условиях рассуждения Полоцких епископов о необходимости противостоять католическому натиску казались весьма актуальными. В случае с 1870–1871 гг. не последнюю роль сыграл и недавний пример перенесения мощей Иосифа Обручника, подаривший полоцкому духовенству пример успешного православного торжества, к которому можно было апеллировать. Наконец, нельзя забывать и о том, что передача Полоцку частицы мощей носила во многом компромиссный характер и, скорее всего, стоит согласиться с Ф.И. Титовым, считавшим этот акт свидетельством желания Киева отделаться от назойливых полочан и в дальнейшем не поднимать этот вопрос [5, с. 527].

В 1909 г. ни о каких компромиссах уже не могло быть и речи, но в этот раз сложность обстановки повлияла не на мнение Киева, а на позицию высших властей империи. Если прежде Александр II или Д.А. Толстой ограничивались устным одобрением инициативы полочан и не стремились сломить упорство киевлян, неизменно дававших отрицательный ответ, то в новых политических условиях, угрожавших не только российской власти в белорусско-литовских губерниях, но и самому существованию империи, Синод и император предпочли надавить на Киев. Несмотря на то что, как было показано выше, противники перенесения останков княжны и в 1909 г. не изменили своей позиции, воля монарха решила вопрос в пользу полочан.

¹⁵ РГИА. – Ф. 796. Оп. 445. Д. 341. Л. 1об.

Заклучение. Таким образом, история борьбы Полоцка и Киева за мощи преподобной Евфросинии представляет собой историю многочисленных ходатайств, в качестве инициаторов которых выступали как представители высшего православного духовенства Полоцкой епархии, так и простые жители города. Попытки Полоцких епископов заручиться поддержкой высшей светской и духовной власти нельзя назвать безуспешными, однако вплоть до 1909 г. последняя не видела необходимости прямого давления на Киевскую митрополию, ограничиваясь уговорами (как, например, в случае митрополита Филарета) или и вовсе простым устным одобрением инициативы полочан (как в случае Александра II). В условиях полной пассивности Синода и императора последнее слово неизменно оставалось за Киевскими митрополитами и Духовным собором Киево-Печерской лавры. Последние же упорно отвергали все устремления сторонников пребывания реликвии в Полоцке (кроме компромисса, имевшего место в 1870 г.), причем позиция Киевской митрополии, по всей видимости, основывалась на религиозных соображениях, лишенных политической подоплеки. Тем не менее, в начале XX в. ситуация изменилась, и в условиях усложнившейся религиозно-политической обстановки государство сочло уместным пренебречь мнением Киева и поспособствовать перенесению мощей преподобной в Спасо-Евфросиниевский монастырь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лабоха Г.М. Да пытання станаўлення і развіцця культу прападобнай Еўфрасінні Полацкая у «манастырскі» перыяд (канец XII – пачатак XVI ст.) // *Studia Historica Europa Orientalis*. – 2012. – № 5. – С. 180–187.
2. Сербинович К.С. Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. – СПб.: Синод. тип., 1841. – 18 с.
3. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 15. – С. 237–239.
4. Василий (Лужинский), архиепископ. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого. – Казань: Тип. Императорского университета, 1885 – 312 с.
5. Титов Ф.И. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая (Историческая справка к предстоящему перенесению мощей преп. Евфросинии из Киева в Полоцк) // *Труды Киевской Духовной Академии*. – 1910. – Т. IV. – С. 506–545.
6. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 16. – С. 259–261.
7. Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. – Т. 3. – Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1901. – 814 с.
8. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 17. – С. 278–283.
9. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 19. – С. 309–314.
10. Поселянин Е. Великое духовное торжество // *Колокол*. – 1910. – № 1225. – С. 1.
11. Я. Преподобная Евфросиния, Княжна Полоцкая // *Церковные ведомости*. – 1909. – № 27. – С. 1216–1226.
12. Гарошка Л. Святая Еўфрасіння-Прадслава, патронка Беларусі: Нарыс жыцця і дзейнасці, артыкулы. – Минск: Мастацкая літаратура, 1996. – 123 с.
13. Тарасаў С.В. Еўфрасіння-Афрасіння Полацкая. Яе час, яе крзьж. – Мінск: Цымбераў Р.М., 2021. – 368 с.
14. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. – М.: Университетская тип., 1903. – 600 с.
15. Родэвальд Ш. «Пра Полацкую Венецыю»: Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. – да 1914 г.). – Мінск: Лімарыус, 2020. – 632 с.
16. Бендин А.Ю. Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.) // *Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др.* – Т. VIII. – М.: Модест Колеров, 2010. – С. 59–94.

Поступила 18.10.2022

THE CONFRONTATION BETWEEN KYIV AND POLOTSK FOR THE RELICS OF ST. EUPHROSYNE OF POLOTSK IN 1832 – 1909: ON THE QUESTION OF THE CAUSES OF SUCCESS AND FAILURE

V. KORONEVSKII
(St. Petersburg State University)

The article attempts to analyze the history of the confrontation between the Polotsk diocese and the Kyiv Metropolitanate for the relics of St. Euphrosyne of Polotsk in 1832-1909. The author seeks to answer two main questions. Firstly, why did all the petitions of the inhabitants of Polotsk for the transfer of the relics of the saint to the Spaso-Evrosinevsky monastery until 1909 ended in vain? Secondly, what ultimately contributed to the success of the initiative and made it possible to transfer the relic to Polotsk in 1910? The available historiography of the issue is analyzed. The hypothesis is substantiated, according to which the main factor that prevented the realization of the desire of the Polotsk people was the position of the highest Kyiv clergy: the Kyiv metropolitans and the Spiritual Council of the Kiev-Pechersk Lavra. The success of the last petition was facilitated by the sharp aggravation of the situation in Polotsk and in the empire itself as a whole after 1905, which prompted the state to intervene in the dispute and resolve the issue in favor of Polotsk.

Keywords: *Euphrosyne of Polotsk, Spaso-Evrosinevsky monastery, relics, Orthodoxy, Polotsk Diocese, Kyiv Metropolitanate.*